

Наталья
Александрова

Наталья Александрова

Портрет
Кровавой графини

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление *Анастасии Орловой*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Александрова, Наталья.

А46 Портрет Кровавой графини : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Роковой артефакт).

ISBN 978-5-17-105492-2

Из глубины веков тянется кровавый след таинственного медальона. Ходят слухи, что этот медальон проклят, как и прекраснейшая женщина, изображенная на нем. Ее имя — Эржбета Батори, но за злодеяния, совершенные над невинными, она получила прозвище Кровавая графиня. Каждый, кто не по праву завладевает медальоном, обречен на страшные муки, но все равно находятся смельчаки, готовые рискнуть своей жизнью и благополучием ради портрета средневековой злодейки.

Детектив-любитель Надежда Лебедева, будучи убежденной материалисткой, ко всякой мистике отношений с недоверием, однако цепь трагических событий, свидетельницей которых она стала, пошатнула ее взгляды...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-105492-2

© Н. Александрова, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

«И чего мы сюда приперлись? — с тоской подумала Надежда. — Ну вот что мы тут забыли?»

В волнении она слишком сильно сжала локоть приятельницы Милки, так что та дернулась и прошипела:

— Надь, ты чего?

— Того, — одними губами, но злобно ответила Надежда.

Милка поняла все правильно и покаянно склонила голову. Ведь это она сбила Надежду с толку.

Женщины приятельствовали очень давно, еще с тех пор, как работали в НИИ. Милка была секретарем отдела и знала про всех сотрудников все, что вообще стоило знать. Потом уволилась по семейным обстоятельствам — ее неожиданно бросил муж и нужно было искать более денежную работу. Через два года муж вернулся, но обратно в секретари Милка не пошла. Устроилась программистом-надомником, работала спустя рукава, потому что муж, за два года ужасно по ней соскучившись, окру-

жил Милку заботой и нежностью. Таким образом, Милка, сидя дома, частенько позванивала бывшим коллегам, чтобы быть в курсе перемен в их жизни. К Надежде она испытывала особенную теплоту и благодарность, потому что в свое время Надежда Николаевна здорово помогла Милке, когда ту подставили и едва не подвели под криминал¹.

Именно Милка и позвонила Надежде вчера вечером с дурной вестью.

— Надя, Леденцов умер!

— Какой Леденцов? — оторопела Надежда. Она в это время варила черносмородиновое варенье, которое как раз убегало, так что не сразу сообразила, что к чему.

— Надя, да ты что?! — возмущенно возопила Милка. — Всего три года не работаешь в институте, а уже всех сотрудников позабыла! Нельзя же так, в самом деле!

Надежда в это время сняла пенку, помешала, убедилась, что варенье не подгорает, и стала доступна для общения.

— Да помню я Костю Леденцова, — прервала она Милкины причитания, — конечно, помню, только ведь он уже давно уволился, ушел в бизнес, говорят, сильно в этом преуспел... — Она осеклась, сообразив, что теперь ее слова совсем некстати.

¹ Читайте роман Н. Александровой «Игра случая».

— Вот-вот, — по-старушечьи вздохнула Милка, — кому в смерти все успехи понадобятся... И деньги тоже не нужны теперь...

— А что случилось-то?

Толком Милка ничего не знала.

— Позвонил мне Торопыгин, говорит, вроде инфаркт...

— Торопыгин? — Услышав эту фамилию, Надежда ощутила во рту вкус плесени.

Торопыгин занимался в их НИИ общественной работой. То есть это он так говорил, а на самом деле хорош был только в одном: в умении произносить речи по всяким торжественным поводам. В советское время торжества были в основном все политические, и на этом деле Торопыгин собаку съел. Он умел говорить долго и нудно, не сообщив ничего конкретного, а главное — политически грамотно. После перестройки, когда нужда в таких людях потихоньку сошла на нет, Торопыгин переквалифицировался, если можно так сказать, в профессиональные плакальщики. То есть выступал со своими многословными речами на похоронах сотрудников. После того как институт разогнали, Торопыгин пристроился каким-то мелким чиновником, и все очень удивлялись: кому только такой тип понадобился? Не иначе, по знакомству устроили. Или его специфический талант снова оказался востребован.

Надежда терпеть не могла этого насквозь фальшивого и скользкого типа и, когда уволи-

лась из института, с радостью выбросила Торопыгина из головы. И вот теперь он снова возник.

— Да, — продолжала Милка, — звонит он мне и говорит, чтобы я собрала всех, кого знаю, и чтобы мы приходили на похороны. Бывший сотрудник, много лет работали вместе, нехорошо не пойти, надо почтить память и так далее. Так наехал, что я согласилась. Позвонила тебе, да вот еще Валентину Голубеву.

— И что сказал Валентин? — оживилась Надежда. Валя Голубев был ее старинным и близким приятелем, вот уж они друг с другом съели не пуд соли, а целый вагон.

— Расстроился, конечно, сказал, что обязательно придет, потому что Костя хороший мужик был... Так что, Надя, ты тоже приходи.

— Приду, конечно, я его жену знала, Лиду, дочек мы вместе куда-то водили... Надо ее поддержать. Позвоню, соболезнование выражу...

Милка издала странный звук — не то фырканье, не то хрюканье.

— Что не так?

— Ох, Надя, ты не в курсе... Тут как бы не попасть в неловкое положение... Понимаешь, он, Леденцов-то, с той, первой, женой развелся...

— Давно? — ахнула Надежда.

— Да уж года три-четыре. Теперь у него новая жена, молодая, зовут Алиса. То есть теперь-то она не жена... — смешалась Милка, — в общем, приходи, завтра все расскажу.

Сейчас Надежда никак не могла понять, как это она согласилась прийти. Нужно было еще и Милку отговорить, и Валентина тоже. Потому что с самого начала все это мероприятие начало действовать Надежде на нервы.

Начать с публики. Народу было много, и все такие, как Милка выразилась, крутые и упакованные. Мужчины в дорогих костюмах, а женщины уж так разодеты, что непонятно, куда вообще собрались. Одна блондинка была в потрясающем черном платье, весьма открытом, да еще и бриллиантов навесила, как будто не на похороны, а на премьеру в оперу явилась.

Из знакомых не было никого, кроме Милки и Валентина, очевидно, все бывшие сотрудники оказались умнее и правильно посчитали, что здесь без них прекрасно обойдутся.

В конце концов Надежда решила, что терпит. Попрощаться с бывшим сотрудником, да и уйти скорее. Но тут появился Торопыгин, громко приветствовал их троих, даже полез к Надежде обниматься. В общем, привлек внимание остальной публики, так что дамы стали коситься на них с легким презрением, тем более что одеты Надежда с Милкой были подчеркнуто скромно — не на свадьбу ведь явились, а на похороны, чего уж тут выражаться. Надежда сделала независимое лицо и отошла в сторонку, наблюдая.

Публика ей не нравилась хотя бы потому, что никто не проявлял никакого уважения к траги-

ческим обстоятельствам. Все переговаривались, выходили курить, мужчины в полный голос обсуждали какие-то свои дела, дамы оценивали туалеты друг друга.

Одна парочка особенно притягивала взгляд — молодая женщина, вся в черном, в шляпке с вуалью, под руку с мужчиной, тоже довольно молодым, но уже с намечающимся брюшком и неявной лысиной, удачно замаскированной умелым парикмахером. По тому, как бережно мужчина поддерживал даму, как наклонялся к ней с самым заботливым выражением, как изредка ласково поглаживал по руке, Надежда догадалась, что это — новоиспеченная вдова Алиса Леденцова.

Что ж, внешне девица ничего себе — молодая, гламурная, типичная жена богатого человека. А что Константин Леденцов за последние годы разбогател, Надежда поняла, еще не дойдя до траурного зала. Валя Голубев, увидев машины на стоянке возле крематория, только присвистнул: ну и ну... круто!

Чуть сзади безутешной вдовы маячили два здоровенных типа в черных костюмах. Квадратные плечи и такие же квадратные, невыразительные физиономии выдавали в них телохранителей. Ну, все как полагается, даже охранники есть. А этот тип, что отирается рядом с вдовой, какой-то неприятный.

Тип снова погладил вдову по руке, и Надежда увидела у него на безымянном пальце перстень.

Вот уж этот перстень идет ему как корове седло! Надежде не очень нравились мужчины, которые носят украшения. Единственное, что она считала приемлемым, — это обручальное кольцо.

— Три года они женаты, — сообщила Милка, которая ненадолго отлучалась в туалет, — детей нет. А этот рядом с ней — Иконников, его заместитель и правая рука. Фирма у Кости крупная была, оборот хороший. Что теперь будет — никто не знает.

— А ты-то откуда все знаешь? — поразилась Надежда.

— А я в туалете с секретаршей Костиной парой слов перекинулась. Вон, гляди, мымра такая в мешковатом костюме...

Милкин палец указывал на блеклую женщину лет сорока с крысиным хвостиком на затылке. Темно-серый костюм сидел на удивление плохо, хоть женщина и была скорее худой, чем полной. Как говорится, не всякая похудевшая корова — газель...

— Да... ну ясно, что красотка Алиса симпатичную секретаршу рядом с мужем не потерпела бы... — пробормотала Надежда. — А чего этот заместитель возле вдовы так отирается?

— Денег хочет, — ответила Милка без сомнения, — все же теперь ей достанется.

— А вот в этом я не уверена, — задумчиво пробормотала Надежда, — у Константина же дочка была от первого брака... как же ее звали-то?.. Маша... Саша... не вспомнить. Так что

по закону ей какая-то часть полагается от всего имущества...

— Ну, насчет закона я бы не очень обольщалась, — здраво заметила Милка, — тут, знаешь, свои порядки. Вон погляди на этих мордоворотов — сразу видно, что никакой закон им не писан.

— Да, в общем, какое нам дело... — согласилась Надежда. — А от чего он умер-то?

— Инфаркт. Не то на работе, не то в машине, не успела я точно выяснить, тут в туалет эти две сороки приперлись. — Милка указала на двух дам, усиленно старающихся догнать уходящую молодость. Видно было, что это им пока удастся. Если пристально не приглядываться, то еще ничего себе.

Надежда посмотрела вокруг рассеянным взглядом и вдруг увидела молодую девушку, показавшуюся ей очень знакомой. Высокая, стройная, лицо несколько удлинненное, и глаза широко расставлены, что придает взгляду некоторую таинственность... Где Надежда могла ее видеть? Господи, да она же на Костю Леденцова похожа! Ну да, те же черты, тот же овал лица. А волосы темные, Лидины...

Девушка наклонилась к своей спутнице, стоявшей рядом, сказала что-то тихонько. Женщина обернулась, и Надежда с трудом, но узнала в ней Лидию, бывшую жену Константина. Но как же она изменилась...

Лидия была очень худа, волосы, когда-то пышные и темные, теперь поредели и были

кое-как заколоты какими-то старушечьими шпильками. Теперь Лида носила очки, которые ей очень не шли. И одежда была на ней такого вида и качества, что Надежда ужаснулась — видно, что женщина давно махнула на себя рукой. Надежда тотчас призвала себя к порядку — нашла время злопыхать! Ну, горе у человека, все-таки похороны мужа.

Не мужа, а бывшего мужа, тотчас поправила она себя. Они уж сколько лет развелись, можно это событие пережить. Тут другое. Видно, болеет Лида, уж больно вид у нее изможденный. И раньше толстой не была, а сейчас прямо как из Освенцима...

«Да она моложе меня на два года, — в панике подумала Надежда, — а выглядит старше на все десять...»

Лида подняла голову, и они встретились глазами. Она тотчас узнала Надежду, потому что бледные губы тронула слабая, едва заметная улыбка. У Надежды кольнуло сердце, до того стало жалко старую знакомую.

Надежда незаметно подошла ближе, и они с Лидой молча обнялись.

— Спасибо, Надя, что пришла... — тихо сказала Лида, отстраняясь, — спасибо, что Костю помнишь...

— Ну что ты, мы же столько лет работали вместе, — голос у Надежды дрогнул, — молодыми совсем начинали...

Костина дочка смотрела на Надежду настороженно.

— Здравствуй, Даша, — сказала Надежда, имя девушки само всплыло в памяти.

— Это Надя, Надежда Николаевна, — Лида несколько оживилась, даже глаза чуть заблестели, — они с папой работали вместе...

— Мы с тобой когда-то на елку ходили... — улыбнулась Надежда. — У меня дочка Алена, тебя постарше...

— Не помню, — сухо сказала Даша.

«И то верно, — подумала Надежда, — не время сейчас для таких воспоминаний».

— Прошу всех пройти в зал для прощания! — раздался голос откуда-то с потолка.

Публика потекла в зал, возле дверей, как водится, случилась небольшая давка.

— Дайте дорогу! — слышался громкий мужской голос.

Слишком громкий для такого места. Надежда инстинктивно шарахнулась в сторону и оглянулась. Дорогу расчищали для вдовы, ее по-прежнему поддерживал тот самый лысоватый с животиком... как его... ах да, Иконников, заместитель. Что характерно, шумел он, а два охранника держались позади и вели себя довольно скромно. Все же похороны, народ вокруг приличный, от кого защищать-то...

Надежду оттеснили от Лиды с дочерью. Иконников, проходя мимо, задел Лиду плечом.

— Осторожнее, — прошипела Даша, придерживая мать.

Вдова повернулась к ней, и Надежда даже вздрогнула, перехватив ее взгляд. Вуаль сбилась на сторону, и было видно, что Алиса смотрит на дочь своего покойного мужа с неприкрытой ненавистью.

— Однако... — тихонько произнесла Надежда Николаевна и тут же прикусила язык.

В зале прощания Торопыгин протиснулся сквозь толпу, как бегемот сквозь камыши. Толпа раздалась, и Надежду вытеснили почти к самому гробу. При этом она оказалась рядом с Валею Голубевым. До этого он где-то пропадал, курил, что ли, с мужчинами. Надежда ухватила Валью под руку, чтобы не затолкали.

Тем временем Торопыгин вышел на середину зала, откашлялся, исподлобья оглядел присутствующих и заговорил своим привычным начальственным голосом:

— Мы сегодня прощаемся не только со своим сослуживцем и... родственником, — он бросил взгляд на молодую вдову с Иконниковым и охранниками, державшихся сплоченной группой, — мы прощаемся не только с давним другом и надежным соратником, мы прощаемся с настоящим инженером... с инженером, не побоюсь этого громкого слова, с большой буквы!

В зале повисло недоумение — Надежда была уверена, что все присутствующие, кроме них